

- Не бахвалься!

Грустно улыбаюсь. Сочиняю что-то сходу – растормошить: скучная сегодня, сидит, пригорюнившись, в углу дивана, нога на ногу, ладошка под щёку, в платочке. Смотрит, вдаль...

- Я в детстве тоже любила бахвалиться... А шустрая была-а! Где поют или на гармошке играют – я уже там! Ни кино, ни вечерок у нас не было. Деревня маленькая была, десять дворов всего.

- Наш? Наш крайний был. Изба худая уже была, старая. Зато вид из окон! На реку, просто-о-о-р! А прямо под окнами поле начинается. Рожью засеют – летом так и ходит, тёмно-зелёное, волнами. И васильки, синие-синие! Выйдешь в рожь, стоишь, стоишь и слышно: динь-динь, динь-динь... Тонко-тонко! Это колосья, когда спелые, друг о друга звенят...

- Расскажу... Лет десять мне было... Слышу, на другом конце играют, у тетки Дёхи.

Родня? Да все, наверно, родня – фамилия одинаковая. А так всё: тётка Дёха, да тётка Дёха, полное-то имя Евгения, а за глаза – Дёха.

Баба она высокая, ещё крепкая, хоть куда, на голове плат чёрный, в синей юбке до пят, на ногах галоши. Вдвоём с мужем живут, справно живут, детей у них много, но дети уже отдельно, взрослые. По продналогу даже молоко не сдают, по старости, а коровку держат.

Веселье у них – сыновья приехали. На праздник, на Петровки было. У сыновей жёны баскиие, за рекой браны – певуньи-и-и! Поют, пляшут! Степан, сын, на гармошке играет.

Глухой был и говорил плохо, наверно, даже глухонемой, а вот на гармошке хорошо играл. Под окнами избы пляшут.

Я смотрю. Да говорю же: ни кино, ничего не было, ходили – смотрели. Вдруг все как-то быстро – в избу, я тоже за ними и – к окну, на лавку, недалеко от стола.

Да ходила и раньше – родня дальняя тётка Дёха-то. Дак вот, все в избу и за стол садятся. Стол большо-о-ой, богатый,

много всего наставлено, и ещё носят и тётка, и молодухи: рыбники большие, рыбу они хорошо ловили, колобки, да, да, на сковородках на маленьких таких пекли. «Пинег» - пирог. И ещё чего-то приносили, всего теперь и не припомню...

А вот приносят творог! Молоком залит. Блюдо большо-о-е... Да... Коровы-то у нас тогда не было... Не скажу, чтобы сильно голодали, нет, хлеб был, папа председателем работал, Толя уже работал, на трудодни немного получали. Но молочка не было. А, помню, си-и-льно хотелось...

И вот – творог. Большие такие куски, жёлтый и молоком залит...

На подоконнике у них кременья, мужики курили – искру высекать, ко-робочки от спичек... Мы, ребята, любили играть... Долгонько они сидели...

Домой прибежала – у нас уже тоже за столом сидят. Первая тут Зойка сидела, большая уже была, годов пятнадцати, но не работала, припадки у неё были, жалели её... Нячилась она. Рядом – Толя, потом – Коля, за ним – Витя... Дальше – маленькие, мальчики двое были, Володя и... Ты их не знаешь... Умерли они рано, я не рассказывала... Мама с краю, там – бабушка, Кристина Даниловна. Ей уже за девяносто было... Да, девяносто три, глухая уже совсем была, а крепкая, водилась с маленькими. Ши-и-ибко меня любила. За ней Рая, Градя. Папа у окна.

Ну, вот, я в избу и с порога:

-А я-то! А я-то! У тётки Дёхи и пирогов! И колобков! И молока с творогом наелась!! Вот! И лезу по лавке на своё место, к Вите. А ребята: Толя – интере-е-е-сный такой был, не пускают, прижимают спиной к стенке! Да... Даже бабушка заругалась:

-Да пустите вы Маньку на место! - Сильно меня любила.

А те: Смотрите-ка! Смотрите! Пирогов да колобков наелась, а картошку-то как трескает!

- Что на столе было?... Да говорю же, хлеб был, картошка была... Да, в мундире, с утра сварена, тут почищена, с квасом, да в квас лук зелёный накрошен, хорошенько всегда луку нарезано. А вот забелить нечем было...

Поели. Бабушка с Зойкой со стола убирают, маленьких спать собирают, а мы с мамой огород поливать. Воду носили с ручья, вернее с болотинки, ручей-то подсох – середка лета. Колодец рядом, но там вода холодная. Две доски перекинута

через болотинку – мосточки, вот с них черпаем и носим ведрами.

Идёт Дёха на колодец за водой. Колодец большой, журавль высокий, бадья здоровушшая, на два ведра, к ней шест длинный, толстый, а противовес – камни, в сетке, в старой. Гляжу: мама заторопилась и крюк делает – с Дёхой встретиться...

- Спасибо тебе! Тётка Евгения! Спасибо!

- За что, Анна? Спасибо-то... За что?

- Да как же – за что! Девку мою накормила, напоила и колобками, и творогом, и пирогами. Она давеча домой прибежала - така довольнюшшая, ещёи робят дразнит!

Отпустила крепкая Дёхина рука шест. Взлетел «журавль» в небо, вода обрушилась вниз, качается бадья, бухает о столб...

- Не накормила!... Не накорми-и-и-ла я её!... Анна!... И как-то нелепо, некрасиво нагнулась – поклонилась Дёха, разведя при этом руки...

Дёха с пустыми ведрами идёт по чавкающим мосточкам, как будто что-то вспомнив, черпает машинально, с полведра, из болотинки. Уходит, сгорбившись...

Мы снова носим воду. Идём по меже, трава густааая... Крапива. Тёмно-зелёная, злая, с семечками... Мама нагибается, голой ладонью забирает, ди-и-и-вно так в руку, прямо за коричневые стебли, рвёт... И быстро сует её мне под юбку. В ноги...

- Не носили тогда ни трусов, ни чулок!...

- Нет, не плакала... А, видно, понимала, что сделала что-то такое... Стыдное, как это... Неприличное...

- Ночь ту, поди-ко, всю не спала. Суну руки под юбку - там пузыри, пузыри...

- Бабушка сразу что-то почувствовала. Спать ложиться, слышу, подседа к маме:

- Чевойно с девкой сделалось? Пришла, не поела ничего, легла сразу... Мама что-то шепчет ей в ухо... После долгой паузы бабушка:

- Да-а-а... Худо ребяткам без молочка-то... И протя-я-яжно так – Ху-у-у-до...

Молчу... Потом, хрипло, что-нибудь сказать – растерянный какой-то, прибитый.

-А... Сколько лет Кристина Даниловна прожила?... (Сам знаю - сто).

-Да около ста было, когда померла-то... Та-а-ак... Да,

девяносто восемь! Старенькая уже совсем была, а по дому шевелилась. Потом «уходить» стала...

- Как уходить-то? Расскажу, если хочешь... И про тапочки... Про синие тапочки, хочешь?

Щепоткой, как ягоды, собирает слезинки со щёк, по-детски, пальцами трёт глаза. Улыбается, уже светлее...

- Да просто уходить стала, соображала уже плохо. Вот сидит, сидит, встанет, платочек повяжет, батажок в руку и пошла. Домой, в деревню... А это сто километров с лишним, мы уже в посёлке тогда жили. Все за ней, искать! Потеряется ведь...

- Да... Вот и я, наверно, скоро так же побегу...

Грустно смеется.

- В посёлок мы не по своей воле переехали, а за папой. Его туда в сорок первом послали. На войну просился, не взяли – старый. «Здесь твой фронт!». Секретарь и военком «в голос» сказали. И как передового председателя, «по партийной линии» послали поднимать отстающий колхоз, «Имени Восьмого Марта» назывался. В нашем «Труженике» мы хорошо жили, на трудовень по два килограмма уже получали, а туда приехали – ахнули, у них и по четыреста грамм не выходит! А народ там!...

До сих пор помню: осень, стою на берегу, встречаю наших – папа перевозит всю нашу семью. На катере: мама, Зоя, Коля, Витя, бабушка, маленькие... Скарб, хлеб, зерно. Катер пришлось с баржой брать, хлеба одного мешков десять, да картошка...

Весь колхоз высыпал на берег – новый председатель переезжает! Я – в толпе, меня папа раньше привез, большая уже была. Передо мной полупьяный крикливый мужик Жданов, орёт:

-Ах...ли не жить-то некоторым! Хлеб-то баржами возят! И тут же попадает «в оборот» бабам:

-Да ты бы так-то жил! М...к ты пьяный! Люди хлеб действительно баржой привезли, дак ведь они его не украли, а заработали! А детей смотри у них сколько – девять человек! Ты бы так-то хлеб зарабатывал, лодырь ты пьяный!

Люди там никого не слушали, никому не подчинялись. Бабы коров подоят, молоко в бидоны, бидоны - в туеса и за пять километров, к железнодорожному мосту, в посёлок, продавать. А до колхозных работ, до колхозных коров никому

и дела нет. Какие там «килограммы» на трудодни.

И стали мы там жить: папа с утра до ночи «колхоз поднимает», мама бригадиром работает, тоже с утра до ночи, Толю на войну забрали, мы, кто постарше, – в район, в школу. Дома маленькие, да бабушка, Кристина Даниловна, под присмотром Зои.

В школу ездили на лодке, на одной ли, на двух, когда сколько учеников набиралось. Гребли попеременно. Да, конечно со взрослыми. Доезжали до пристани, а там пешком. В тот год я заканчивала семилетку, к экзаменам готовилась...

-А! Тапочки-то! Да «износились» мы все, как переехали. И до войны трудно было, хлеба не хватало, с одеждой туго было, но кое-как выкручивались. Лагерь «помогал». Заключённые «тянули» железную дорогу на Север, рядом с деревней был – семь километров. Деревенские частенько выменивали у конвоиров всякие тряпки: наволочки, наматрасники, портянки, какую-то обувь. Особо любили охранники менять своё барахло на солод, пиво варили.

Из наволочек мама шила платица, кофточки, из чёрных наматрасников – куртки, штаны. Так и жили. А как переехали, да война – как нищие стали!...

Но той весной пошла я в школу в новой обуви! Тапочки это были. Как сейчас помню: как увидела их, у меня сразу что-то ёкнуло, радостно стало! Чудо, что за тапочки! Сверху брезентовые, синие, подошва резиновая, на шнурках, шнурочки чёрные, плетеные. Чудо, что за обувь!

Появились они неожиданно – родственники привезли, сын бабушкин в подарок ей привёз. Из Устюга проездом. Ну, а бабушка, конечно, сразу – мне, Марусе! Девке уже пятнадцать, а всё босиком. Любила меня. Да-а-а...

- Ну, вот я и щеголяю в них!..

Улыбается, глазами.

- Как щеголяю-то? А я тебе сейчас расскажу!

Просыпаюсь я рано, вернее, мама будит. Быстро завтракаю, одеваюсь: сверху плат мамин, жакетка, тоже мамина, ломоть хлеба мама суёт в сумку, тапочки. Нет, не на ноги, за пазуху и бегом до берега. Лодка уже ждёт, учеников сегодня немного, восемь человек, да двое взрослых. Вода ещё большая. Плыть до пристани больше часа, можно и подремать, глаза слипаются... Солнце уже высоко, но холодно, ноги мёрзнут. Я лучше за

вёсла! Вернее, за одно, гребут по двое. Вот так-то веселее!

Наконец пристань показалаась – большой белый дебаркадер. Теперь до райцентра, конечно, пешком! Хорошо – на дороге снега уже нет, только лужи. Бего-о-о-м! Три километра всего: мост через ручей, дальше домики, деревушка справа, Заречье, все ещё в воде, снова домики, потом – бойня, второй ручей. Вот здесь и ноги помыть, и тапочки надеть, дальше деревянные мостки, село. Школа!

В школе гладкие, крашенные полы, приятно погулять, а где и пробежаться за подружкой по коридору, пока учителя нет. Не скользят, не валенки. Резиновые! И ноги прятать не надо, под парту... Обратно до конторы леспромхоза мостки в тапочках, а там до самого дома, понятно, босиком! Экзаменов мне сдавать: математика, русский, география, история... Много! Но не боюсь, учила, готова, знаю. Пятёрки, четверки... И Фаина Александровна, классный руководитель, уверена во мне, хвалит меня. Сда-а-ам!...

Замолкает надолго. Гаснет... Смотрит в окно...

- Ну, и как экзамены-то?! Тормошу снова. Не рассказывала ты, ни разу...

- Не сдавала я экзамены. Работать пошла сразу. Не ходила я... Не в чем было идти на экзамены... Умерла бабушка, любимая бабушка, Кристина Даниловна. Надо хоронить, а в гроб положить не в чем. На ноги нечего надеть. Ну, не-че-го!... Надели тапочки...

Сижу напротив. Слушаю. Весь скованный, «деревянный», сил нет пошевелиться...

- Вот... В молодости недоедали... Работали всё...

- Закалялись, так и живёшь долго, - тупо пытаюсь шутить, сменить тему, «лечебное голодание», восемьдесят пять – возраст!

- Да... Лечебное...

Снова грустно улыбается. В пергаментных морщинах застряла мутная слезинка...

- Поехал уже? Так скоро?!...

- Да... Надо... Работа. Вру. На площадку не выходи, форточки... Не провожай...

Внизу привычно оборачиваюсь: высоко, на площадке четвёртого этажа худенькая фигурка. Крестит. Меня. Машину. Спаси и сохрани!...

На дворе холодно, сыро. А я все ещё там – в том жарком

летнем дне, на скамье у окна, рядом с той, голодной, босоногой девчонкой Манькой, моей мамой... Чужая изба, чужие люди, не оборачиваясь, спиной, чувствую, вижу - что на столе. Пироги, творог... На стекле бьётся муха. Тягостно долго длится застолье... Нет никаких сил встать, пройти мимо стола, выйти вон. Влажными ладошками всё перебираю и перебираю какие-то камешки, коробочки, тряпочки...

Наша изба. Все давно уже спят, на полу, на полатах жарко. С краю спит деловой Толя, потом молчаливая Зойка, дальше – Коля, там Витя, мама, рядом маленькие, Рая, Градя, даже бабушка, Кристина Даниловна, уже спит. Совсем поздно пришёл папа, лёг с краю, сразу уснул...

Тихая белая ночь стоит над деревней. Не спит одна Манька, в окно ей виден кусок неба, неподвижная берёза. Небо зелёное. Звезда... Нет, не плачет, лишь изредка длинно прерывисто вздыхает... Тут же – весна, лужи, хрустящий, колкий ледок. Босая девчонка на дороге в школу, за пазухой тапочки, на сердце праздник...

И у меня весна, а пасмурно, печально на улице, на душе. Не плачу. Разучился. Старый. Мне уже столько, сколько и Дёхе в том далёком тридцать восьмом...

Но набухает что-то комом в груди, в горле. Давит... Наконец дождь... На лобовом стекле. Ничего не видно. Расплывается всё... Это... «Дворники»... Плохо работают.

Разворачиваюсь на «сплошной», скорей вернуться!